

УДК 159.923:316.66

АКТЫ САМОПОВРЕЖДЕНИЯ В РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Н. А. Польская

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: polskayana@yandex.ru

В статье обсуждаются мотивы и функции актов самоповреждения на примере ритуальных практик примитивных племен, религиозных ритуалов и современных практик модификации тела.

Ключевые слова: самоповреждение, ритуал, модификации тела, мотив.

Self-injurious Acts in Ritual Practices

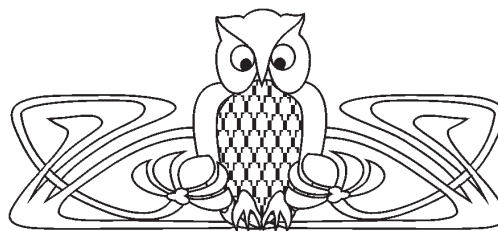
N. A. Polskaya

The article discusses the motives and functions of self-injurious acts in ritual practices of primitive tribes, religious rituals and modern practices of body modification.

Key words: self-injury, ritual, body modification, motive.

Акты самоповреждения в ритуальных практиках выполняют ряд функций психологического, социального, религиозного характера. Эти функции управляются мотивами, связанными с физическими, духовно-нравственными и социальными трансформациями индивида. Характер самоповреждений определяется содержанием и направленностью той ритуальной практики, в которую эти акты самоповреждения включены. Наиболее часто действия самоповреждающего характера используются в обрядах перехода, к которым можно отнести «посвящение по достижению половой зрелости, переход от одной возрастной категории в другую (от детства или юношества к зрелости)», обряды, которые «совершаются при рождении, бракосочетании, смерти»¹. В обрядах перехода закрепляется факт необратимости трансформации индивида (физической, биологической, социальной). Следует отметить, что однотипные самоповреждения могут быть наделены разным символическим смыслом. Так, отрезание фаланг пальцев у одних племен включено в обряды оплакивания умерших членов семьи, тогда как у других является признаком замужней женщины². В Полинезии палец может стать жертвой в знак исцеления заболевшего члена семьи.

В ритуалах инициации, знаменующих переход из детства во взрослый мир, акты самоповреждения символизируют отказ подростка от автономности ребенка, помогают установить контроль над новыми взрослыми членами племени и сохранить социальный порядок. Из этнографических источников мы получаем сведения о подобных ритуалах, в которых физическое насилие

сочетается с действиями самоповреждающего характера. Так, обряды инициации подростков на островах Меланезии, символизирующие смерть и перерождение инициантов, сопровождаются физическими мучениями, кровопусканием и завершаются ритуальным «убиением»³.

В разных культурах акты самоповреждения включены в ритуал оплакивания и горевания об умерших. У многих кочевых народов Азии существовал обычай нанесения ран на лице в знак публичного выражения траура по усопшему⁴. Подобные саморанения отмечаются исследователями и у славянских, и у кавказских народов. Так, горевание об умерших в древнеславянских племенах (IX в.) сопровождалось у женщин самоповреждением ножом рук и лица⁵, а осетинки били себя по лицу, расцарапывая его до крови⁶.

Известен азиатский обычай членовредительства вдов, первое сообщение о котором относят к I в. до н. э., когда вдова отрезала себе нос, чтобы воспрепятствовать повторному замужеству. В Китае случаи подобного членовредительства описаны в изданных в VII в. «Биографиях добродетельных жен». Столь радикальные действия вдов определялись не только самим фактом смерти мужа, но и социальными последствиями этой смерти, а именно утратой прежнего социального статуса и угрозой насильственного повторного замужества. Исторически зафиксировано, что императрица Шулюй, жена создателя государства киданей Абаоцзи, избежала самоубийства и утвердила свой авторитет путем прямого членовредительства. Потеряв супруга, она несколько раз хотела лишиться себя жизни, чтобы последовать за ним в могилу. Но ее сыновья так горько плакали, что она отрубила себе только кисть правой руки и положила ее в гроб мужа. После этого императрицу прозвали «вдовствующая императрица с отрубленной кистью»⁷.

«Исцеляющее» самоповреждение, связанное с избавлением от болезней или их предотвращением, широко распространено в разных культурах. Мужчины одного племени Папуа – Новой Гвинеи с помощью самоповреждения носовой перегородки иницируют носовые кровотечения, которые, согласно традициям данного племени, играют точно такую же роль, как менструация у женщин, функция которой – освобождение от «дурной», болезнетворной крови. По тем же причинам мужчи-

ны другого племени повреждают язык с помощью грубых листьев с целью вызвать кровотечение⁸. Члены религиозного братства хамадша в ходе религиозных ритуалов рассекают себе голову, так как считается, что их кровь обладает целительной силой: больные люди окунают кусочки хлеба или сахара в кровь и съедают их.

Самоповреждение религиозного характера инициировано стремлением к духовно-нравственной трансформации и включено в различные религиозные ритуалы. В индуизме известен ритуал тайпусам (Thaipusam), в котором участники в знак поклонения богине Тайпусам повреждают собственное тело, используя для этого ножи, иглы, крючья и пики. Исполнение ритуала начинается с того, что жрецы и рядовые участники вонзают в свои тела крючья, а затем везут прицепленную за эти крючья колесницу с установленной на ней фигурой богини. Акт самоповреждения приобретает здесь особый смысл благодарения за уже имеющийся достаток и молитвы о желаемом физическом, духовном или материальном благополучии. Участники ритуала, пребывающие длительное время в экстагическом состоянии, не чувствуют боли или каких-либо отрицательных эмоций.

Североамериканские шаманы прибегают к актам самоповреждения в период обретения духов-хранителей и духов-помощников. Уединяясь и предаваясь суровому самоистязанию, неопит ожидает духов, которые являются ему в теле животных. Смысл самоистязания заключается в подготовке тела для «съедения» явившимися животными. М. Элиаде приводит следующее описание ритуала посвящения в шаманы: «Во время праздника посвящения арауканского шамана мастера и неопиты ходят босыми стопами по огню и не обжигаются, а их наряды не загораются. Видели также, как они вырывают себе нос и глаза. Посвящающий втолковывал простым смертным, что он вырвал себе язык и глаза, чтобы обменять их на язык и глаза посвящаемого»⁹.

К. Меннингер подробно описывает самоповреждения, осуществляемые в рамках религиозных ритуалов. В качестве примера самоповреждения в среде радикально мыслящих христиан Меннингер приводит историю Оригена, который, «желая целиком посвятить свою жизнь ревностному служению Богу и быть свободным от искушения при наставлении женщин, оскотил себя»¹⁰.

Оскопление, или самокастрация, было свойственно адептам различных религиозных культов начиная с древнегреческих мистерий. Религиозный смысл самокастрации связывался с идеями искушения, жертвоприношения, покаяния. Секта скопцов, действовавшая в России с 1772 г., проповедовала идею искушения первородного греха через самокастрацию, что символизировало избавление от «соблазняющих» органов. «Оскопление есть огненное крещение, убеление, принятие чистоты; оно – Божие знамя, с которым скопцы

пойдут на суд. Только при оскотлении можно предохранить себя от “лепости” и достигнуть полной чистоты»¹¹.

В старообрядческой церкви исторически зафиксированы факты самосожжения, самозакапывания, самоутопления, самоморения, самозаклания, самозамерзания. В секте хлыстов самоизбиение, заключающееся в ударах плетью по собственному телу во время «радений», сопровождалось экстагическими эмоциями, сексуальным возбуждением и заканчивалось «свальным грехом».

В секте флагеллантов (дословно – «бичующихся»), возникшей в Италии в начале XIII в., активно использовались такие практики самоповреждения, как самобичевание и «крещение кровью». Согласно историческим источникам, в 1249 г. большая часть населения Перузы под влиянием проповедей флагеллантов была охвачена манией покаяния. Кающиеся представляли собой большие процессии босых полураздетых людей, бичующих себя плетью¹².

Мотив посвящения определяет, по мнению Меннингера и А. Фаваззы, самоповреждения как религиозного, так и социокультурного характера. Участие в церемониях посвящения для многих первобытных культур или радикальных религиозных сообществ является важным этапом в достижении нового, более высокого, по сравнению с прежним, социального статуса. Членовредительство осуществляется как по типу самоповреждения, так и с привлечением других лиц, однако при добровольном согласии и желании неопита. Психологические функции инициационного членовредительства основаны на идее искупительной жертвы и связаны с подавлением сексуальных и агрессивных импульсов, а также с изменением социального статуса и роли неопита.

Но следует указать и другой важный мотив, определяющий акт самоповреждения, – это мотив украшения, декорирования своего тела. Как отмечает А. Фавазза, поддерживаемая в современной культуре специфическая мода на различные способы модификаций тела (body modification), в частности татуирование и «пускание» крови, связана с практиками «современного примитивизма». Изменение своего внешнего облика через искусственное изменение поверхности тела рассматривается современными исследователями и как скрытая форма самоповреждения¹³, и как особая практика ухода за «поверхностью тела»¹⁴, способ его украшения.

Несмотря на близость современных и первобытных практик самоповреждения, между ними существует принципиальная разница, обусловленная как мотивацией, так и целями самоповреждения. В современной культуре на первое место выходит эмоциональная и личностная обусловленность акта самоповреждения, тогда как в примитивных племенах он санкционирован не отдельно взятой личностью, а культурной тради-

цией. По сути, речь идет о двух разных функциях самоповреждающего поведения – социальной регуляции и психологической саморегуляции. Л. Кларк (L. Clarke) и М. Виттакер (M. Whittaker) замечают, что в западной культуре «самоповреждающее поведение в большей степени терпимо, чем принято, и часто рассматривается и как способ самовыражения, и как ритуал, дающий молодежи чувство принадлежности к группе ровесников»¹⁵. Модификации тела выступают в качестве свойственного молодежи способа самовыражения, помогающего молодым людям в определении собственной идентичности и позволяющего ощущать контроль над своей жизнью.

Существует точка зрения, согласно которой модификации тела выступают как практические приемы и способы преодоления границ тела, трансцендирования, нацеленные на раскрытие новых измерений духовности. Модификации тела позиционируются как некий утонченный способ личностного роста для избранных. Это мнение достаточно распространено в среде художников-экстремалов, практикующих различные способы самоповреждения в проектах по модификации собственного тела с использованием высокотехнологических приемов.

С. Джеффрис (S. Jeffreys) выступает с критикой подобных воззрений, подчеркивая, что по своей сути модификации тела представляют собой самоповреждение, нередко практикуемое в маргинальных слоях общества (прежде всего среди гомосексуалистов, инвалидов, жертв насилия). Использование новых определений («декорирование тела», «боди-арт») и новых объяснительных принципов в духе постмодернизма («переписывание» истории тела, «трансгрессирование» за пределы границ тела) никоим образом не меняет факта отчужденности группы маргиналов, для которых самоповреждение является реальной, повседневной и интенсивно реализуемой практикой решения жизненных проблем¹⁶. Модификации тела являются специфическим способом коммуникации, особым языком, который существует в строго ограниченном пространстве конкретной субкультуры.

В этом же русле рассуждает и В. Питс (V. Pitts), отмечая, что разговоры о культурной политике модификаций человеческого тела были инициированы целым рядом современных субкультур, ассимилировавших ритуалы и эстетические каноны коренных народов Африки, Индии, Америки и Полинезии. В эту группу исследовательница включает техно-кожано-латексную субкультуру садомазохизма и фетишизма, представителей перформанса, панков, сексуально ориентированных феминисток, спиритуалистов Новой Эпохи, любителей западных татуировок и просто психически больных¹⁷.

В формулировке идеи радикальных манипуляций с собственным телом, изложенной Ф. Мусафаром, основателем и ярким представи-

телем движения современного примитивизма, можно выделить два принципиальных момента, раскрывающих суть подобных самоповреждений. Во-первых, это физическая, телесная самоидентификация индивида: «...неважно, коренные ли мы американцы, возвращающиеся на свои пути, или городские аборигены, отвечающие некоему внутреннему универсальному архетипу, ясно одно: мы ниспровергли основы западной культуры относительно собственности и использования тела». Во-вторых, подчеркивается независимость индивида от доминирующей культуры и любых социальных институтов: «...наше тело принадлежит нам, не отцу, матери или супругу; или государству или его монарху, правителю или диктатору; или общественным институтам военных, образовательных, воспитательных, исправительных или медицинских учреждений»¹⁸. В этих словах раскрывается психологический смысл самоповреждающих манипуляций: тело принадлежит мне, я воздействую на него, я волен менять его, как решу сам, через боль я приручаю свое тело и таким образом овладеваю им и, оставляя на нем искусственные знаки, делаю его уникальным и только своим собственным. Лишь таким образом становится возможным обретение психологической идентичности, поддерживающей равновесие (или иллюзию равновесия) с самим собой и обществом. Хотя очевидным парадоксом выглядит то, что стремление обрести некую законченную и глубоко индивидуальную идентичность (когда автономия достигается путем физической трансформации внешнего облика) сопровождается отчуждением от своего тела, которое превращается в объект манипуляций, подручный материал, используемый для создания формы. Создание себя оборачивается мучительной маскировкой, грозящей утратой глубинной содержательности собственного «Я», путь идентификации оказывается путем самоотчуждения. «Переписывание истории» оборачивается подделкой, копией (в духе Делёза и Бодрийера), неким симулякром, который подменяет реальное тело и реальную личность.

Итак, культурно-исторические корни самоповреждения имеют прямую связь с ритуальными практиками примитивных обществ и религиозными убеждениями. Ритуалы с включенными в них актами самоповреждения регламентируют не только социальную и культурную, но и физиологическую, психологическую и духовную жизнь индивида. Самоповреждение в ритуальных практиках управляется мотивами изменения социального статуса, искупления и покаяния, исцеления и благодарения, украшения и изменения границ тела, мотивами его персонализации. Важным мотивом являются социализация сексуальности, ее «легализация» и определение границ дозволенного.

Приведенные выше примеры иллюстрируют тот факт, что модификации и трансформации тела позволяют достичь конкретных социальных

целей – например, перейти в другую социальную группу и быть ею принятым, снять запрет на сексуальные чувства и проявление сексуальности, определить или изменить идентичность. Этот широкий диапазон культурных практик самоповреждения, включенных в различные ритуальные программы, вынуждает нас задать вопрос относительно того, не являются ли социальные мотивы самоповреждения определяющими в формировании модели самоповреждающего поведения. Или все же именно сочетание психологических черт и характеристик индивида определяет его готовность к участию в ритуальных действиях самоповреждающего характера? Эту проблему мы обсудим в наших следующих работах.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-06-00511а).

Примечания

- ¹ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 115.
- ² См.: Favazza A. R. Bodies under siege: Self-mutilation in Culture and Psychiatry. Second Edition. Baltimore ; L., 1996. P. 133, 135.
- ³ См.: Бутинов Н. А. Общинное, семейное и клановое родство (по материалам Меланезии) // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004, С. 76.
- ⁴ См.: Головачёв В. Ц. Самоубийство как родовой обычай и сакральный ритуал в традиционном Китае. [Электронный ресурс]. URL: <http://abirus.ru/content/564/623/625/644/649/848.html#11> (дата обращения: 20.06.2011).

- ⁵ См.: Кузьмин А. Г. Откуда есть пошла русская земля. М., 1986. Т. 2. С. 565–566.
- ⁶ См.: Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С. 43.
- ⁷ См.: Головачёв В. Ц. Указ. соч.
- ⁸ См.: Favazza A. R. Op. cit. P. 120, 121.
- ⁹ Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев, 2000. С. 35.
- ¹⁰ Меннингер К. Война с самим собой / пер. с англ. Ю. Бондарева. М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fide-rfstrara/psihologa/suicide/menninger.html> (дата обращения: 20.06.2011).
- ¹¹ Булгаков С. В. Православие. Расколы. Ереси. Секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Западной Церкви. М., 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/026/bulgakov/handbook/contents.html> (дата обращения: 20.06.2011).
- ¹² См.: Медникова М. Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. М., 2007. С. 191.
- ¹³ См.: Jeffreys S. Body Art and Social Status: Cutting, Tattooing and Piercing from a Feminist Perspective // Feminism and Psychology. 2000. Vol. 10, iss. 4. P. 409–430.
- ¹⁴ Gardner A. R., Gardner A. J. Self-mutilation, obsessiveness and narcissism // British. J. Psychiatry. 1975. Vol. 127. P. 127–132.
- ¹⁵ Clarke L., Whittaker M. Self-mutilation : culture, contexts and nursing responses // J. of Clinical Nursing. 1998. Vol. 7. P. 129–137.
- ¹⁶ Jeffreys S. Op.cit.
- ¹⁷ См.: Pitts V. The Flesh : The Cultural Politics of Body Modification. Basingstoke, 2003. 239 p.
- ¹⁸ Медникова М. Б. Неизгладимые знаки : татуировка как исторический источник. М., 2007. С. 187.

УДК 316.614

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ОТНОШЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ПЕРВИЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

А. Е. Сотников

Саратовский государственный университет
E-mail: Alexey176@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирических исследований специфики отношения к закону и государству в разных условиях профессиональной социализации. Автором выявлены стойкие и значимые отличия в восприятии студентами государства и закона, что является следствием разных условий первичной профессиональной социализации.

Ключевые слова: первичная профессиональная социализация, отношение личности, социальные представления, отношение юристов, личность.

Features of Social Representations and Attitudes in Various Conditions of Professional Socialization

A. E. Sotnikov

The article covers the results of empirical research specific character of attitudes to law, and state in different conditions of professional socialization. The author has revealed stable and significant differences in students' perception of law and state that results

